



A decorative Art Nouveau style frame with flowing, symmetrical scrollwork at the top and bottom, enclosing the text.

Arthur Schnitzler

TRAUME
NOVELLE

A decorative Art Nouveau style frame with swirling, symmetrical patterns at the top, bottom, and sides, enclosing the text.

Артур Шницлер

НОВЕЛЛА
О СНАХ

С широко закрытыми
глазами



Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК И (Австр)
ББК 84-4 (Гем)
Ш77

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Переводчик А. Игоревский

Шницлер, А.

Ш77 Новелла о снах. С широко закрытыми глазами / Пер.
с нем. А. Игоревского. — М.: ЗАО Издательство Центр-
полиграф, 2011. — 159 с., ил.

ISBN 978-5-521-85656-5

Перед вами повесть Артура Шницлера, австрийского драматурга и писателя конца XIX — начала XX века. Автор повествует о взаимоотношениях супружеской пары, на первый взгляд производящей впечатление счастливых людей, живущих своей размеренной жизнью в полном достатке. Но за фасадом идеальных отношений скрываются потоки ревности, неудовлетворенности и тайных желаний. Четко разграничивая параллели, писатель акцентирует внимание на эротическом аспекте жизни этой пары в течение всего лишь одной ночи, мистическим образом проводя героев совместно или врозь сквозь божественное общество, где они пребывают в возбуждении от своих чудесных мечтаний...

Повесть послужила основой для сценария последнего шедевра Стэнли Кубрика «С широко закрытыми глазами».

**УДК И (Австр)
ББК 84-4 (Гем)**

ISBN 978-5-521-85656-5

© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2011



Предисловие

Вена, Шницлер, Климт, Фрейд... «Новелла о снах» — это, возможно, первая в истории попытка художественного воплощения фрейдистской теории. Эротический сон Альбертины нарушает правила супружества. И Фрейд сказал бы, что эти правила надо время от времени доказывать и подтверждать, мысленно апеллируя к опасным сексуальным приключениям.

И Артур Шницлер, и его друг Зигмунд Фрейд интересовались потаенными желаниями человеческой души: Фрейд в науке, Шницлер же выбрал литературный путь. Однако Фрейд проявлял интерес к литературе, а Шницлер интересовался новейшими открытиями в области медицины и следил за развитием психоанализа.

Однако сейчас новелла Шницлера уже ассоциируется не с Фрейдом, а исключительно с фильмом Стэнли Кубрика «С широко закрытыми глазами». Последняя лента великого режиссера отличается от фильма только деталями — время и место изменились, а люди остались такими же, как сто лет назад. Они по-прежнему изменяют друг другу: в мыслях, во снах или в реальности, но при этом хотят оставаться вместе.

Финал новеллы открыт. Простит ли Альбертина своему мужу его приключения и как Фридолин отнесется к фрейдистским снам Альбертины? Николь Кидман и Том Круз, исполнители главных ролей в кубриковском фильме, после съемок развелись. А венские обыватели начала века еще искренне пытаются найти спасение от своих сексуальных фантазий, смотря на мир широко распахнув глаза.



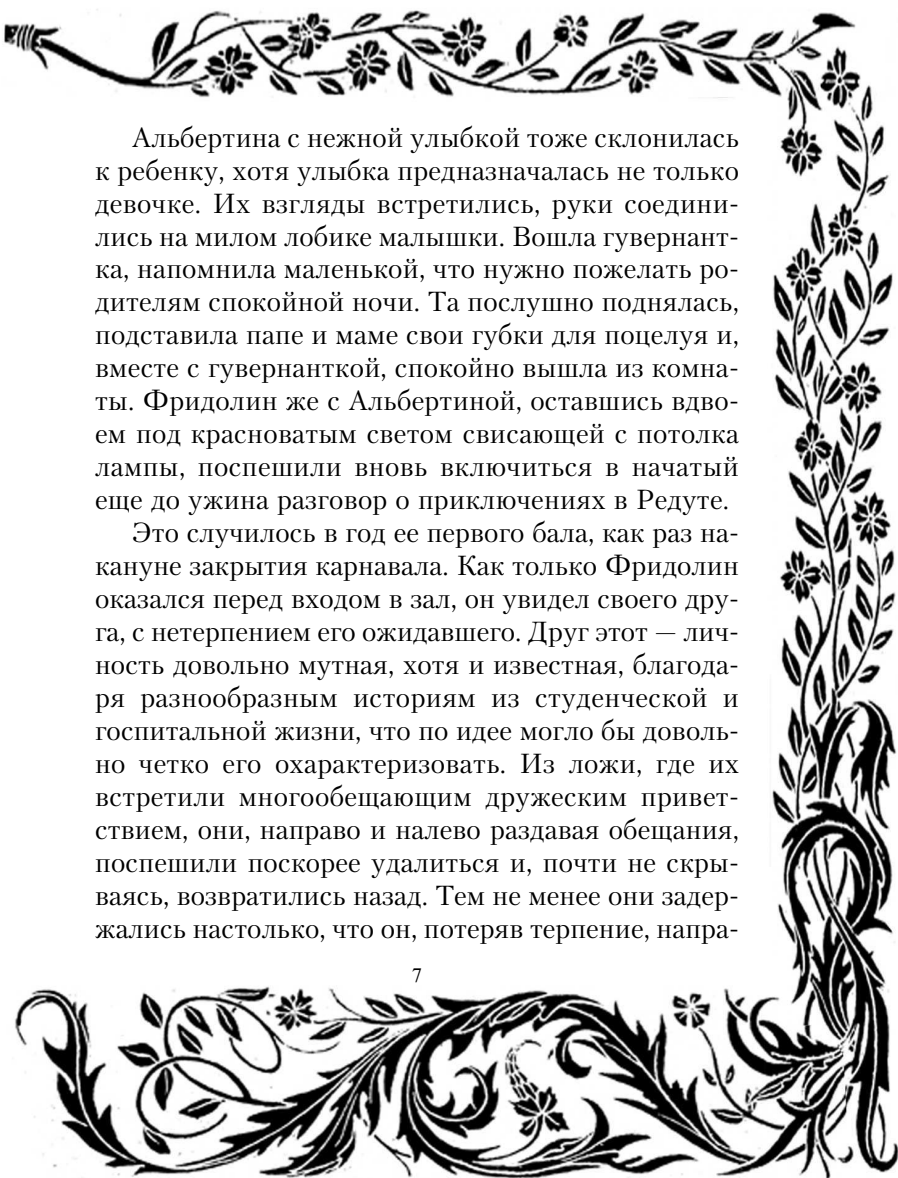
1

*Они, снедаемые любопытством, в страхе
и мучениях обсуждали свои признания...*

«Двадцать четыре загорелых раба гребли на роскошной галере, которая должна доставить принца Амгиада во дворец халифа. Принц же, закутавшись в пурпурную накидку, возлежал в одиночестве на верхней палубе под темно-голубым, усеянным звездами ночным небом, и его взгляд...»


До этих пор малышка дочитала вслух, затем совсем неожиданно закрыла глаза. Родители посмотрели с усмешкой друг на друга. Фридолин наклонился к ней, поцеловал в русые волосы, захлопнул книгу и положил ее на неубранный стол. Малышка взглянула вверх так, как если бы ее застали врасплох.

— Девять часов, — сказал отец, — время идти спать.




Альбертина с нежной улыбкой тоже склонилась к ребенку, хотя улыбка предназначалась не только девочке. Их взгляды встретились, руки соединились на милом лобике малышки. Вошла гувернантка, напонила маленькой, что нужно пожелать родителям спокойной ночи. Та послушно поднялась, подставила папе и маме свои губки для поцелуя и, вместе с гувернанткой, спокойно вышла из комнаты. Фридолин же с Альбертиной, оставшись вдвоем под красноватым светом свисающей с потолка лампы, поспешили вновь включиться в начатый еще до ужина разговор о приключениях в Редуте.

Это случилось в год ее первого бала, как раз накануне закрытия карнавала. Как только Фридолин оказался перед входом в зал, он увидел своего друга, с нетерпением его ожидавшего. Друг этот — личность довольно мутная, хотя и известная, благодаря разнообразным историям из студенческой и госпитальной жизни, что по идее могло бы довольно четко его охарактеризовать. Из ложи, где их встретили многообещающим дружеским приветствием, они, направо и налево раздавая обещания, поспешили поскорее удалиться и, почти не скрываясь, возвратились назад. Тем не менее они задержались настолько, что он, потеряв терпение, напра-




вился в партер, где надеялся вновь встретить ее и с достоинством представить их обоих. Он осмотрелся вокруг, не имея возможности встретиться с ней взглядом. Более того, вместо нее неожиданно поймал рукой другое женское существо. Его супругу в то же самое время притянул к себе какой-то незнакомец, чье меланхолически-надутое естество, яркий иностранный, явно польский акцент поначалу ее очаровал, но затем напугал, и она вдруг сделалась подавленной, неожиданно услышав вырвавшееся из его уст безобразное слово. Так и сидели муж и жена, затерявшись среди других влюбленных пар, в целом — веселые, оживленно болтая друг с другом, словно только что познакомились, что бывает в комедии учтивости, поглощая в буфете устрицы и шампанское. Затем после быстрой езды в экипаже сквозь белую зимнюю ночь оба они очутились в домашней обстановке, чтобы уже надолго погрузиться в объятия друг друга, испытав, не столь уже горячее, счастье любви.

Серым утром они пробудились одновременно. Фридолин в столь ранний час отправлялся на службу в клинику. Долг матери и хозяйки едва ли давал Альбертине возможность для продолжительного отдыха. То были часы рутины — тусклые,



предопределенные ежедневной работой. И лишь когда работа уже была позади, ребенок спал, и ничто не предвещало неожиданностей, вновь возникали образы-тени из зала Редута: меланхолический незнакомец и обладатель костюма красного домино. Каждое незначительное событие сразу же становилось призрачным видением упущенной возможности, растворявшимся нежно и болезненно. Проходящая ночь, как в начале, так и в конце, была светлее. Безобидные, но вместе с тем каверзные вопросы таили в себе хитрые, двусмысленные, переменчивые ответы. Ни один из них не ускользал без того, чтобы оставить другой без ответа, во всей его нагой откровенности. При этом становилось совершенно очевидно, что оба ответа покрыты налетом мягкой мести. Они отвергали ее собственные средства, преувеличивали меру привлекательности, которая проецировалась на нее неизвестными партнерами Редута, издевавшимися над ревнивыми побуждениями, которые могли заметить другие. Так от легкой болтовни о ничтожном приключении прошедшей ночи они перешли к честному разговору о потаенных, едва предчувствуемых желаниях, которые даже в ясных и чистых душах могут вызвать осадок и опасную смуту. Они разгова-



ривали и о таинственных сферах, к которым чувствовали страстное влечение и куда неуловимый ветер судьбы мог бы однажды, пусть в мечтах, их занести. Они самозабвенно прислушивались к чувствам и мыслям друг друга, поскольку знали, что дыхание приключения, вольности и опасности накануне не впервые затронуло их. И они, снедаемые недоброжелательным любопытством, в страхе и мучениях обсуждали признания, одно за другим выскакивающие у каждого из них, в страхе сближались друг с другом, расспрашивая о каждом, даже самом ничтожном, но важном для одного из них факте. Настолько безразличном и незначительном, с точки зрения общего течения жизни, насколько это вообще возможно для выражения невысказанного и искренней исповеди, как того стоят чувства. Они, скорее всего, могли бы освободиться от напряжения недоверия, но это постепенно становилось невыносимым. Альбертина, более нетерпеливая, честная и добрая из них двоих, все же нашла в себе смелость и несколько срывающимся голосом спросила Фридолина, помнит ли он юношу, который сидел за соседним столом с двумя офицерами, и как тот вынужден был попрощаться со своими друзьями, потому что во время